

A romantic couple embracing on a beach at sunset. The woman has long blonde hair and is wearing a white lace dress. The man has blonde hair and is wearing a white shirt. They are framed by ornate golden borders. The background shows a sunset over the ocean with a starry sky.

Ирина Николаева

УРОК ДЛЯ
ДЕМИУРГА

18+

Миры Айунара

Ирина Николаева

Урок для демиурга

«Автор»

2026

Николаева И.

Урок для демиурга / И. Николаева — «Автор», 2026 — (Миры Айунара)

ВТОРАЯ книга цикла про миры Айунара. ОН — БОГ, СОЗДАВШИЙ ЭТОТ МИР. ОНА — ЕДИНСТВЕННАЯ, КТО МОЖЕТ НАУЧИТЬ ЕГО ЧУВСТВОВАТЬ. Демиург Ант спас жизнь Тай, поселив в ней частицу себя. Теперь они заперты в его личной обители. Он знает все законы мироздания, но не понимает простых человеческих чувств. Она, израненная и несовершенная, становится его самым сложным и важным уроком. Это история о том, как рождается доверие между теми, кого разделяет пропасть. И как хрупкое человеческое тепло может растопить лед в сердце бога. Первая книга цикла - "Ничего себе ягодки".

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	16
Глава 8	18
Глава 9	20
Глава 10	21
Глава 11	24
Глава 12	25
Глава 13	27
Глава 14	29
Глава 15	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ирина Николаева

Урок для демиурга

Пролог

- Что нужно делать? — её шёпот был едва слышен.

- Довериться. Полностью. Впустить меня в себя. Мне нужно...войти. Он поднял на неё взгляд. В его сапфировых глазах не было привычной вселенской мудрости. Была сосредоточенная, почти болезненная ясность.

Он не уточнял, как. Но слово повисло в воздухе между ними, обретя внезапную, пугающую плотность.

«Войти». Тай тяжело сглотнула, чувствуя, как внутренности сжимаются в комок. Не от страха. А от волнения...или предвкушения. Какой стыд, о чем она подумала...

А теперь вернемся в начало...

Глава 1

Сначала — звук.

Нет, не звук. Ритм. Монотонный, всепоглощающий, как биение гигантского сердца. Тук-тук. Тук-тук. Глухой, как сквозь толщу воды.

Потом — свет.

Белый. Абсолютно белый. Не слепящий, не агрессивный. Просто... белая пустота. Бесконечная, мягкая, без теней и границ.

Тай открыла глаза, которых у неё не было.

Она существовала. Это было единственное, в чём можно было быть уверенной. Она не спала. Не видела снов. Она просто была — сгустком осознания, плавающим в молочной белизне.

«Я умерла, — подумала она с удивлением, лишённой паники. — Опять».

Последнее воспоминание — вспышка. Не боль, нет. Скорее, растянутый во времени миг распада. Как будто её тело, её мысли, сама её суть растворилась в свете, который излучала её же собственная жертва. Она отдала Анту свою искру. Всё, что делало её Таисией Николаевной, а потом Тайиури — волю, память, ту самую смешную, упрямую человечность.

И вот теперь — белая пустота.

«Значит, загробный мир — это белая комната, как в дурке, — пошутила она про себя. — Ни адского огня, ни райских кустов. Просто... дизайнерский минимализм. Скучновато. Хотя, Мэдем же был аналогом земного рая, верно? И где-то решили, что рая с нее достаточно».

Но шутку не оценило даже её собственное сознание. Она зависла в белом пространстве, не найдя отклика. Не было привычного внутреннего голоса, который подхватил бы её иронию, ответил ей тем же металлическим эхом. Не было никого.

Тишина.

Настоящая, абсолютная тишина, нарушаемая только тем глухим, вечным ритмом.

«Ант?»

Она попыталась позвать, но у неё не было голоса. Попыталась почувствовать его присутствие — то странное, навязчивое, но ставшее родным ощущение «другого» в собственной голове. Пустота.

Паника, острая и леденящая, скользнула по краям её сознания. Она не боялась небытия. Она боялась быть одной в этом небытии. После всего их странного сосуществования, после того, как его голос стал фоном её мыслей, а его пушистая форма — талисманом в коробочке, эта тишина была хуже любой боли.

«Эй! — мысленно крикнула она в белую пустоту. — Шиза! Пушистик! Древний бог-однодневка! Ты где?»

Ничего.

Только ритм. Тук-тук. Тук-тук.

Она сосредоточилась, пытаясь вспомнить. Фелтисер. Холодное, прекрасное лицо, лишённое всего человеческого. Ант, принявший её дар. Вспышка. А потом... обещание? Чьё-то слово, сорвавшееся в самый последний миг, перед тем как свет поглотил всё?

«Смерть — это не конец».

Металлический голос. Его голос.

«Ты что, обманул? — мысленно прошипела она, и в этой мысли было больше обиды, чем страха. — Я тебе всю душу, простите, искру отдала, а ты...»

Она замолкла. Что она могла сделать? У неё не было ни рук, чтобы сжать кулаки, ни глаз, чтобы выплакать несуществующие слёзы. Только сознание, болтающееся в белой пустоте. Ну хоть не серый туман, в который она попала в первый раз, и на том спасибо.

Время в белом пространстве текло странно. Оно не делилось на секунды и минуты. Оно пульсировало в такт тому самому ритму. Тук — осознание. Тук — ожидание. Тук — тихий, нарастающий гнев. Тук — отчаяние.

Она начала экспериментировать. Пыталась «посмотреть» в сторону. Белизна не менялась. Пыталась «пойти». Ничего. И это ее вечность? Почти как у Кая из «Снежной Королевы», но там хоть какие-то развлечения были.

«Ладно, — подумала она с той самой уставшей решимостью, что вела её через весь лагерь и к разлому мира. — Если это моя вечность, будем пытаться сменить интерьер».

Ну а что? Вы где-нибудь видели женщину, которая была полностью довольна тем, что у нее есть и не пыталась хоть что-то изменить?

Она закрыла несуществующие глаза и попыталась представить что-то. Что угодно. Цвет. Красный, например. Ярко-красный, как её неудачные первые заклинания.

И... ничего.

Белизна оставалась белизной.

«Ну, Таисия, — мысленно вздохнула она. — Похоже, ты и здесь полный ноль. Без ручек из жопоньки, но и без магии тоже».

Отчаяние начало обволакивать её, тяжёлое и липкое. Она вспомнила своё первое пробуждение в Айунаре — в теле юной айны в палатке. Тогда было страшно, ничего не понятно, но было тело. Были руки, которые можно было ущипнуть. Была боль. Здесь не было ничего. Никаких ощущений, кроме этого давящего, чистого отсутствия всего.

«В начале было Слово» ...

Мысль проскользнула автоматически, мелькнула болезненным воспоминанием. И...

...что-то дрогнуло.

Не в белом пространстве вокруг. Внутри неё самой. Там, где раньше была пустота, где раньше жила её «искра», которую она отдала, возникла слабая, едва уловимая вибрация. Как отзвук давно спетой колыбельной. Как эхо молитвы, произнесённой на языке, который был древнее любых богов.

Ритм вокруг на мгновение сбился. Тук. Пауза, дольше обычной. Тук.

И в этой паузе, в самой глубине её осознания, родился не звук, а ощущение. Тёплое, знакомое, цвета сапфира.

«Тай...»

Глава 2

Она не услышала это. Она это узнала. Так же, как когда-то узнавала его команды в собственной голове, когда он был всего лишь голосом.

«Ант?» — отозвалась она всем своим существом, и на этот раз мысль была не криком в пустоту, а протянутой рукой.

Ответ пришёл не сразу. Ощущение то слабело, то усиливалось, как сигнал при плохой связи. Оно было невероятно далёким и в то же время... вездесущим. Разлитым в самой белизне.

«Я... здесь. Просто... трудно... собраться...»

Собраться. Слово было ёмким и пугающим. Она вспомнила его первую материализацию в пушистый шарик, а после - в величественного демиурга. Сколько боли и сил при этом было затрачено ими обоими. Насколько же он должен быть сейчас слаб, если для простой связи в этом странном мире ему нужно «собираться»?

«Где «здесь»? — спросила она, стараясь думать чётко, ясно, как будто от этого зависела сила сигнала. — Что это за место? Белый ад для самоубийц-камикадзе?»

Ей почудилось что-то вроде слабой, уставшей усмешки.

«Это... не ад. Это... нулевая заготовка... Пустота между... тем, что было... и тем, что может быть. Я удержал нас здесь. На краю...»

«Удержал?» — мысль её вспыхнула надеждой. «Значит, я не одна? Мы вместе?»

«Всегда... — последовал ответ, и в нём была такая тотальная, неопровержимая уверенность, что у неё ёкнуло даже несуществующее сердце. — Твоя искра... во мне. Моя суть... рассеяна вокруг. Я не смог позволить тебе исчезнуть навсегда...»

Он умолк, истощённый даже этим крошечным обменом. А у нее что-то на секунду дрогнуло где-то глубоко в самой ее сути от его слов.

«Что мне делать?» — спросила она, уже без сарказма, с полной, детской доверчивостью к тому, кто когда-то был для неё лишь источником головной боли.

«Помни... — прошелестел его голос, растворяясь. — Помни себя... Каждую деталь... Я буду пытаться... помочь тебе обрести себя...»

Голос оборвался. Ощущение сапфирового тепла исчезло, растворилось в белизне. Остался только ритм. Тук-тук. Тук-тук.

Но теперь он звучал иначе. Теперь это был не звук пустоты, а отсчёт. Отсчёт до следующего контакта. Отсчёт её новой, странной работы.

Помнить себя.

Она закрыла несуществующие глаза и начала с самого начала.

Таисия Николаевна. Сорок пять лет. Брюнетка с короткой стрижкой, которую она делала раз в три месяца у дешёвого мастера возле метро. Карие глаза, которые в молодости называли «жгучими», а потом просто «уставшими». Родинка над левой грудью. Шрам на коленке от падения с велосипеда в семь лет. Грудь третьего размера, которая всегда казалась ей неудобной, но за которую её хвалили те немногие мужчины, что были в её жизни...

Она вспоминала своё отражение в зеркале ванной комнаты. Опустившиеся уголки рта. Морщинки у глаз от привычки щуриться без очков. Руки с коротко подстриженными ногтями, без лака.

И по мере того как детали складывались в картину, в белом пространстве что-то начало меняться. Не вокруг. Внутри её сознания возникла... плотность. Очертания. Сначала смутные, как тени на тумане. Потом чётче.

Она не видела их глазами. Она ощущала их как факт, как утверждение: «Вот моя рука. Вот её форма».

«Правая рука, — сосредоточилась она. — Шрам на среднем пальце – прибила в детстве калиткой.»

И в белизне, прямо перед её внутренним взором, проступил призрак пальца. Прозрачный, мерцающий, но узнаваемый. Он просуществовал несколько мгновений и растаял.

Усталость накрыла её, странная и глубокая, как после многочасового физического труда. Но вместе с усталостью пришло и ликование.

Она что-то может.

Она не просто болтающийся в пустоте «ноль». Она может создавать. Пусть пока только призраки воспоминаний. Но это было начало.

«Ладно, шиза, — мысленно бросила она в пространство, где, как она теперь знала, он был. Рассеян, слаб, но был. — Держись там. Я... я собираю себя по кусочкам. Как тот твой пушистый глазастый образ. Только, надеюсь, покрасивее».

Она снова погрузилась в воспоминания. На этот раз о теле. Об ощущениях. О том, как ноги устают после рабочего дня. Как спина ноет от долгого сидения за компьютером. Как болит голова во время мигрени — той самой, что, возможно, и привела её в этот мир, за который она отдала свою искру.

Боль. Она вспомнила боль. И это было странно приятно. Потому что боль — это ощущение. Ощущение — это жизнь.

Тук-тук. Тук-тук.

Ритм мира, который они спасли. Ритм её нового сердца, которого ещё не было.

А где-то в белой пустоте, в самой её ткани, слабо мерцала, набирая силу, одна-единственная, крошечная искра. Не золотая, как раньше. Теперь — сапфирово-белая. И в ней была эхо-память о женском смехе, о земной молитве и о словах, сказанных на пороге вечности:

«Возьми всё. Ты сможешь».

Он взял. И теперь им обоим предстояло найти друг друга в этом новом, чистом, пустом холсте, который он назвал нулевой заготовкой.

Начало было положено.

Глава 3

Белизна вокруг была уже не абсолютной. Она отступала, как туман на рассвете, уступая место смутным очертаниям. Пол под... нет, не под ногами — под той точкой, где фокусировалось её сознание, — обрёл едва уловимое свойство поверхности: не твёрдость, а сопротивление, похожее на плотный желатин.

Ант... Ее пушистик... Он был везде. Тёплое давление, обволакивающее намерение. Не голос. Звуки здесь были вторичны. Он набирал силу и все время был рядом.

«Не бойся. Дыши. Я здесь.»

Она не дышала. Дыхание было привычкой тела, которого не было. Но сама суть ей была понятна: ритм, успокоение, цикл. Она попыталась «выдохнуть» — выпустить наружу клубок смятения, боли в несуществующей груди и головокружительной, новой тяжести внизу живота.

Он принял этот выдох. Не поймал, а впитал в себя, как земля впускает дождь.

«Хорошо. Теперь — форма. Вспоминай.»

В её сознании, не по её воле, всплыли обрывки. Не картинки. Ощущения. Шероховатость школьной парты под локтями. Тяжесть мокрого полотенца на плечах после моря. Покалывание в онемевшей ноге. Калейдоскоп тактильных воспоминаний, лишённых визуального ряда.

«Это твой фундамент. Возьми то, что тебе ближе.»

Она ухватилась за память о шероховатости дерева — оно было честным, простым, настоящим. И передала это ощущение ему.

Пространство ответило. Белизна в шаге от неё приобрела текстуру. Не цвет, а именно свойство: сухое, тёплое, с едва заметными волокнами. Осязаемый образ.

«Да. Именно так.»

Он был восхищён. Его восхищение было похоже на тёплый свет, льющейся ей в макушку. И за этим светом пошёл поток информации — не слова, а целые блоки понимания.

Нет, не глазами. Поняла. Она увидела.

Это место... их пространство, которое уступало и поддавалось. Оно было создано. Из последнего рывка его воли, когда он, обессиленный столкновением с Фелтисером, забрал ее с собой. Из её жертвы, которая была не разрушением, а щедрым, безусловным даром: «Возьми всё. Спаси их». Эти два импульса — отчаянная попытка спасти и сохранить и безоглядная отдача — столкнулись в точке между мирами и застыли, не в силах ни прорваться назад, в искалеченный Айунар, ни кануть в небытие.

Они оказались в пустоте. В «черновике».

Глава 4

«Мэдем был идеальной тюрьмой, — делился Ант информацией. Создан Учителем для созерцания. Мой брат... Фелтисер... видел в этом вершину творения. Но это был совершенный стазис. Мы же... мы создали нечто иное. Пространство с потенциалом. Здесь ничего нет, пока мы не пожелаем. Здесь всё может быть.»

Его мысль коснулась болезненного. Айунар.

«Мы создавали его, глядя на твой мир. На Землю».

И она увидела это: два могущественных сознания, взирающих сквозь барьеры реальностей на голубой шар. Они видели его красоту — океаны, леса, смену времён года. И видели его «недостатки»: хрупкость, болезни, короткий цикл жизни, управляемый хаосом эмоций.

«Фелтисер говорил: «Мы уберём слабость. Оставим красоту. Добавим гармонию магии». Он хотел систему. Порядок. Чистоту. Эмоции он считал биологическим шумом, сбоем в работе разума».

В её сознании всплыл образ: Сурры в лагере, их шарики, мигающие тревожным красным при всплеске страха, гнева, или даже слишком сильной радости. Система сдержек и противовесов против человечности.

«Я спорил. Говорил, что без этого «шума» нет искусства, нет безумной храбрости, нет... любви. Но он был старшим. Его воля доминировала. Мы создали Ибблосы — не просто свитки знаний. Это были... протоколы. Инструкции по поддержанию порядка. Попытка записать идеал, как в ваших священных книгах, и заставить мир ему соответствовать. Айурское древо... попытка воссоздать ядро жизни, но подконтрольное, предсказуемое».

Горечь. Вина. Они текли от него рекой.

«Мы не творили. Мы конструировали. И, как плохие конструкторы, создали систему с фатальной ошибкой. Отрицая эмоции, мы загнали их вглубь, где они перебрались в чудовищные формы. А после катастрофы добавилась еще и внешняя угроза — сдерживаемая ярость Черной мглы».

Тай слушала, поглощая это знание. Ей хотелось плакать, но слёз не было. Только глубокая, щемящая грусть. За них. За этот мир. За себя.

«Ты была... непредвиденным фактором, — его мысль коснулась её, стала мягче. -Землянка. Носительница того самого «шума» в его чистом, неискажённом виде. Ты обратилась к изначальному коду, на котором строилась материя. К языку Учителя. Ты вскрыла защиту. Ты была Ключом не только к Мэдему. Ты была Ключом к истине».

Он помедлил, и следующая мысль была окрашена извиняющейся нежностью.

«И я использовал тебя. Как шанс вернуться. Я был слаб, отчаянно цеплялся за жизнь. Твой разум стал моим убежищем. Прости».

Она собрала все свои чувства — усталость, боль, странную благодарность за эту ясность, и ту новую, пугающую тягу к нему, что появлялась внутри — и выплеснула ему в ответ.

«Не извиняйся. Если бы не твоё «использование», я бы сошла с ума в том лагере от своей бездарности. Или меня бы уничтожил Бурве. Мы квиты. А теперь... хватит о прошлом. Я устала от грустных сказок. Ты сказал, здесь всё может быть. Докажи».

Вокруг них белизна дрогнула. Затем, медленно, как проявляющаяся фотография, из ничего возник пол. Настоящий пол. Из тёплого, полированного дерева, с сучками и трещинками. На нём лежал ковёр — не идеальный, а потрепанный по краям, с выцветшим узором.

Она «упала» на него, ощутив всем своим существом мягкую ворсистость под... под спиной. У неё появилась тело? То есть все ее предыдущие попытки создавать себя по частям были зря? Или он просто давал ей время освоиться с новой реальностью?

Он материализовался рядом, опустившись на колени. Его форма была неустойчивой, мерцала, но это был он — тот же, что и в финале, только без следов ярости и боли. Просто уставший, красивый мужчина с сапфировыми глазами.

«Это твоя заслуга, — он коснулся рукой дерева пола. Ты пожелала «честности». Шероховатости. Несовершенства. Мир отвечает. Я лишь... направляю поток».

Он посмотрел на неё, и в его взгляде была вся вселенная, учившаяся говорить на языке одной-единственной, несовершенной, бесконечно дорогой ему души. Ради которой он, повинаясь внезапному порыву, забрал ее с собой, не дав окончательно исчезнуть. Когда она стала ему так близка?

Глава 5

Сознание, плывущее в океане небытия, — это одно. Спина, прижатая к шершавому ковру, — совсем другое. Тай лежала, ощущая каждую ворсинку. Это было чудовищно, невероятно, прекрасно. Она заставила себя «вдохнуть» — и в груди возникло странное движение, похожее на расширение, а в носу — призрачный запах старой пыли и дерева.

«Так... вот как это», — прошептала она настоящим, срывающимся голосом. Звук был чужим и родным одновременно.

Ант сидел рядом, скрестив ноги, наблюдая. Его форма почти стабилизировалась, но по краям всё ещё мерцала, как пламя свечи на сквозняке. «Ты выбрала хорошую основу. Прочность. Тепло. Не идеальность».

«Я всегда была неидеальна», — фыркнула она, пытаясь пошевелить пальцами. Ощущение было странным — будто посылаешь команду в пустоту, и через долю секунды откуда-то издалека приходит слабый ответ: сжатие, движение. Она заставила себя сесть. Процесс был похож на подъём неподъёмной гири силой одной лишь мысли. Когда она наконец уселась, перед её глазами поплыли круги, которых не было.

«Зрение, — констатировал Ант. — Ты пытаешься воссоздать слишком много систем сразу. Соберись. Выбери что-то одно».

Она закрыла глаза и сосредоточилась на руках. Руки Тайиури-айны были тонкими, почти бесплотными. Руки Таисии Николаевны — сильными, с коротко остриженными ногтями, со шрамом на среднем пальце и выступающими венами на тыльной стороне. Она хотела... чего-то среднего. Силу земной женщины и грацию айны. Она представила это.

Тепло разлилось по её предплечьям, ладоням. Она открыла глаза.

Руки перед ней были... и ее, и слегка иными. Кожа светлая, почти как у айны, но не фарфоровая, а с лёгким, живым оттенком. Пальцы длинные, но не худые — с чёткими суставами, способными и на нежность, и на работу. И шрам. Тот самый, от калитки. Он был тут, белой тонкой нитью. Её история.

«Потрясающе», — проговорил Ант. Его голос звучал ближе, заинтересованно. Он смотрел не как творец на творение, а как учёный на невероятный феномен. «Ты не воссоздаёшь память тела. Ты создаёшь новую формулу. На основе памяти, но... с поправками».

«Поправками?» — она сжала и разжала кулак, слушая хруст суставов, которого раньше не было.

«Ты добавляешь то, чего тебе не хватало. Или исправляешь то, что не нравилось». Он указал взглядом на её руки. «Ты соединила две расы в одну, невозможную для Айунара. Это интересно. Это... дизайн».

Слово «дизайн» задело её. «Я не кукла, которую наряжают».

«Нет. Ты — скульптор. Просто — это твоё же „я“». Он помедлил. «Продолжай. Но будь осторожна с желаниями. Они могут исполняться буквально».

Тай кивнула и перевела внимание на грудь. Это было сложнее. На Земле она всегда гордилась своими формами. Подруги шутили, мужчины часто смотрели мимо лица, опуская глаза к «выразительным» формам. А тут, в теле Тайиури... с грудью была полная беда. Плоскость, над которой можно было только вздохнуть.

Но сейчас... сейчас она могла быть кем угодно. Супермоделью с формами, о которых грезят в мужских журналах. Идеальной, как кукла.

Мысль вызвала отвращение. Нет. Не идеал. Её. Но... такую, какой она чувствовала себя внутри. Не гипертрофированно, а... достаточно. Чтоб чувствовать себя женщиной, а не тенью. Она вспомнила редкие моменты, когда носила хорошее бельё и ловила на себе взгляды. В этот миг она чувствовала себя увереннее, сильнее.

Она сконцентрировалась на этом чувстве — не на размере, а на ощущении. Уверенности. Присутствия. Женской силы, исходящей от нее.

Тепло разлилось по грудной клетке, стало плотным, тяжёлым. Она посмотрела вниз. Под ее взглядом появилась не кричащая, но явная, плавная форма, стыдливо прикрытая появившейся на ней туникой. Грудь. Её грудь. Не огромная, не идеальная, а обычная, настоящая. Она осторожно прикоснулась ладонью. Через ткань почувствовала тепло, упругость, вес. Глаза вдруг наполнились влагой.

«Что не так?» — голос Анта стал тревожным. — «Больно?»

«Нет», — выдавила она, и голос её дрогнул. «Всё правильно. Всё... на месте».

Он замолчал, наблюдая. Его взгляд скользнул по её новой форме, изучающе, но без намёка на оценку. Скорее, с тем же научным интересом. «Это интересно. Ты корректируешь не эстетику, а... самоощущение. Ты лепишь не тело, а самооценку».

«А что не так?» — она вытерла глаза тыльной стороной руки, ощущая влагу на коже. Настоящие слёзы.

«Ничего. Это мудро. И куда сложнее, чем скопировать картинку из памяти». Он отвёл взгляд, и в его профиле мелькнула тень задумчивости. «У Фелтисера был целый трактат об идеальных пропорциях разумных рас. Он вычислял их до миллиметра. У него не было понятия „самоощущение“. Только функция и форма».

«Ну и скучный же он был», — пробормотала Тай, переводя дух. Она почувствовала усталость — глубинную, душевную. Создание себя оказалось самым изнурительным делом в её жизни.

«Да», — просто согласился Ант. — «Скучный. И от этого бесконечно опасный». Он поднялся, его форма теперь почти не мерцала. «Довольно на сегодня. Ты сделала главное — задала направление. Остальное придёт со временем, с практикой». Он протянул ей руку. «Встань. Попробуй почувствовать вес».

Она взяла его руку. Его пальцы были тёплыми, твёрдыми, очень реальными. Он потянул, и она поднялась, пошатнувшись. Ноги подкосились — не от слабости, а от непонимания, как ими управлять. Он подхватил её под локоть, удерживая.

«Вес», — сказала она с изумлением. — «Я чувствую себя. Мне нужно держать равновесие».

«Добро пожаловать в материю», — в его голосе прозвучала слабая, едва уловимая улыбка. — «Давай, сделай шаг. Один. Опирайся на меня».

Она сделала. Шагнула вперёд одной ногой, затем, с огромным усилием, подтянула другую. Было неловко, как ребёнку, но потрясающе. Каждый мускул, каждое сухожилие отзывалось на команду, посылая в мозг поток новой информации: давление, растяжение, точка опоры.

«Хорошо», — прошептал он, всё ещё придерживая её. Его близость, его уверенность были как скала в первом шторме её нового физического бытия. — «Теперь ты не просто дух. Ты здесь. По-настоящему».

Тай посмотрела на их сплетённые руки, на своё новое тело, на слабые, но уже различимые очертания комнаты вокруг — комнаты, которой ещё не было, но которая начиналась с этого ковра, с этого пола. С них двоих.

Она была жива. У неё было тело. И оно было её. Впервые в жизни — абсолютно таким, каким она хотела его чувствовать.

Это было страшнее и прекраснее любой магии.

Глава 6

Дни, если можно было назвать днями циклы их активности и покоя, потекли в странном, лишённом времени ритме. Тай училась быть. Каждое раз она просыпалась на своём ковре, в комнате, что постепенно обретала стены — не гладкие и белые, а из грубоватого камня, с потёками солей, будто её дом вырос из приморской скалы.

Она тренировала тело. Проходила от стены к стене, сначала держась, потом — сама. Приседала, чувствуя, как напрягаются новые, непривычные мышцы. Касалась своего лица, находя родинку у виска, ту самую, что была у Таисии, и тонкий шрам на пальце. Она не просто вспоминала — она вписывала историю в плоть.

Ант был её тихим спутником. Он не навязывался, но всегда был рядом, наблюдая, иногда предлагая коррективы, когда её форма начинала «плыть» от усталости. Он создал для неё кувшина с водой — вода была чистой концепцией утоления жажды, без вкуса, но она работала. Чтобы было легче восстанавливать и принимать свое тело. Было немного странно — взрослая женщина, а постигала заново такие простые, казалось бы, вещи.

И всё же, несмотря на всю новизну, её начинала душить эта самодостаточная, идеальная тишина их нового пространства, их Обители. Не хватало шума. Непредсказуемости. Фона.

В один из таких моментов тоски она сидела, прислонившись к прохладной каменной стене, и закрыла глаза. Не для того чтобы сосредоточиться на форме, а чтобы вспомнить.

Она не стала озвучивать ему свою мысль. Она просто отпустила память, позволив ей течь сквозь неё.

И он поймал этот поток.

Не запах, а ощущение соли, йода, водорослей, нагретых на солнце камней. Не звук, а вибрацию прибоя — не монотонную, а живую: шорох откатывающейся гальки, тяжёлый удар волны о берег, тихое бульканье в расщелинах камней. Не цвет, а ощущение синевы — бездонной, холодной на глубине и искрящейся бирюзой у берега под июльским солнцем. Вкус на губах — солёный, чуть горьковатый, и липкость высохшей морской воды на коже.

Это был не просто образ Чёрного моря. Это был его дух. Его дыхание. Сгусток тоски по чему-то огромному, живому, неконтролируемому.

Ант замер. Его присутствие, обычно рассеянное по пространству, сконцентрировалось в одной точке рядом с ней. Она чувствовала, как он впитывает эти ощущения, анализирует, разбирает на составляющие, а потом пытается собрать заново, но уже как творец, а не как пассивный наблюдатель.

Прошло время. Она уже почти задремала, убаюканная собственными воспоминаниями.

Что-то зашелестело в пространстве. Появились какие-то новые звуки и ощущения...

Тай открыла глаза. И застыла в немом восхищении.

Глава 7

В стене напротив, там, где раньше был лишь грубый камень, теперь зияло «окно». Но не в привычном смысле. Это была каменная арка, или огромное окно, но без препятствия из стекла. И в этом окне дышало море.

Её море.

Тот же оттенок глубокой синевы, те же волны, накатывающие на гальку. Даже чайки, кричащие на своем языке, которого не было в Айунаре. Но над водой плыли не земные облака, а две луны — красная Файра и сиреневый Аквад, как было в Айунаре до эпической битвы двух творцов. Их свет ложился на воду двойной, призрачной дорожкой.

Она поднялась и, забыв обо всем, подошла к окну. Из него доносился пьянящий запах. Настоящий, сложный, влажный запах моря. Она протянула руку и почувствовала на коже лёгкую, солёную влажность бриза. Услышала каждый звук.

«Как...» — голос её сорвался.

Он материализовался рядом, слегка измождённый. Темные круги легли под глазами, форма слегка дрожала.

«Ты передала не картинку. Ты передала тоску. Я не мог воссоздать точную копию твоего мира — для этого нужны его исходные коды, которые мне недоступны. Но я смог создать сущность, которая вызывает те же сенсорные и эмоциональные отклики. Это эмоциональный эхо-образ».

Он говорил сложно, но она поняла. Он взял её ностальгию и материализовал её, смешав с знакомыми ему небесными телами Айунара.

«Это... идеально», — прошептала она, не отрываясь от вида. В глазах стояли предательские слёзы. — «Спасибо».

«Не благодари», — его голос звучал глухо. — «Это был первый серьёзный акт созидания после... всего. Я заржавел и отвык в том сером небытие, из которого ты вернула меня к жизни».

Она наконец оторвалась от окна и посмотрела на него. Он был бледен, и его плечи были чуть опущены, как под невидимой тяжестью.

«Ты выложился по полной, — констатировала она и, не удержавшись, съязвила. — Хорошо, что я не представила целый остров».

«Просто... непривычно. — тихо усмехнулся Ант. — Раньше я черпал силу из своего мира, из его ядра. Здесь... источник силы — только мы с тобой. А твоя энергия ещё слишком хрупка, чтобы я мог брать её без спроса».

Он сделал шаг назад, словно пытаясь сохранить дистанцию и равновесие одновременно.

Инстинкт сработал раньше мысли. Она не стала спрашивать. Она просто захотела его поддержать, окутать благодарным теплом и благодарностью.

Она шагнула к нему, прижимаясь к его спине всем телом, и обхватывая его руками, из которых неожиданно для нее полился мягкий свет — тёплый, пульсирующий, как живой комок солнечных лучей — и плавно окутал его тело, обволакивая его с головы до ног. Он замер от неожиданности, глаза расширились. Свет не впитывался, а оставался вокруг него, как кокон, согревая, питая.

«Что ты делаешь?» — спросил он, и в его голосе прозвучало что-то помимо усталости — изумление, смешанное со смущением.

«Поддерживаю», — просто сказала Тай, вдруг сама почувствовав лёгкую пустоту внутри, будто отдала каплю своего собственного тепла. — «Ты сделал для меня чудо. Мне хочется что-то дать взамен».

Он повернулся к ней, укутанный в её свет, и смотрел на неё. Сапфировые глаза, обычно такие бездонные и знающие, теперь отражали лишь её саму — стоящую у окна с морским бризом в волосах, с глазами, полными благодарности и зарождающейся нежности.

«Ты учишь меня... заботе», — тихо произнёс он, как констатируя странный научный факт. — «Я не помню, чтобы кто-то... просто поддерживал меня. Без цели. Без расчёта».

«Значит, пора этому научиться», — улыбнулась она, поворачивая голову в сторону окна, к своему обещанному морю. — «Привыкай. А я... я буду смотреть».

И они замерли так — он, согреваемый её даром, она - пьянея от подаренного им воспоминания. В стене их каменного убежища плескалось море двух миров, а в воздухе повисло что-то новое, тёплое и хрупкое, как первый луч после долгой ночи.

Глава 8

Свет, которым она укутала демиурга, растворился не сразу, впитываясь, как вода в песок. Ант выглядел отдохнувшим, собранным. Его форма теперь была стабильна как никогда — он казался просто очень красивым, слегка отстранённым мужчиной, если не всматриваться в глубину глаз, где мерцали целые галактики.

Он молча стоял у её «окна», наблюдая, как волны под двумя спутниками оставляют на воображаемом берегу пену.

«Ты восстановил силы?» — спросила Тай, подходя. Её собственные шаги стали увереннее, тело больше не предавало — оно слушалось.

Он кивнул, не отрывая взгляда от моря. «Твой дар... был эффективен. Неожиданно эффективен. Он не просто восстановил энергию. Он... структурировал её». Он повернулся к ней, и в его взгляде была та самая учёная заинтересованность.

«Ты инстинктивно поделилась не просто энергией, а симбиозом заботы. Успокоения. Это интересный вектор. Магия, основанная на эмпатии, а не на воле к доминированию».

«Не усложняй», — фыркнула она, но было приятно. Приятно, что что-то от неё, земной и «несовершенной», оказалось ценным знанием для демиурга. — «Я просто накрыла тебя пледиком. Не в буквальном смысле, конечно».

«Метафора — это и есть язык творения на начальном этапе», — возразил он, и уголок его губ дрогнул. Почти улыбка. — «Ты дала мне идею».

Он отвернулся от окна и подошёл к стене рядом с ним. Камень под его ладонью... не расступился. Он заколебался. Перестал быть просто камнем, превратившись в рабочую материю, в глину под руками мастера. И под его пальцами эта глина начала тянуться вниз, формируя очертания... двери. Простой, деревянной, с железной ручкой.

Тай замерла, сердце забило чаще.

Ант толкнул дверь, и она открылась беззвучно.

За порогом не было комнаты. Был... воздух. Солёный, влажный, пахнувший травами и кипарисом. И три каменные ступеньки вниз, ведущие на узкую, вымощенную ракушечником дорожку. Дорожка вела к дому.

Дому ее мечты.

Не точной копии — в её памяти не было таких чётких чертежей. Но душа дома — была. Небольшой, приземистый, с белыми стенами и черепичной крышей, рыжей от времени и солёных ветров. Скромный крытый дворик, увитый виноградом, который в её воспоминаниях так никогда и не вызревал до конца, оставаясь кислым. Маленькие, почти квадратные окна с темными ставнями. Когда-то давно, в детстве, она приезжала в гости к дальним родственникам. И такой домик чем-то зацепил ее, оставив глубоко внутри желание жить в таком же.

Он создал не дворец. Он воплотил ее детскую мечту. Ту самую, с которой она засыпала в душной квартире, слушая шум машин за окном.

«Я... я не помню такие детали», — прошептала она, спускаясь по ступенькам. Ракушечник хрустел под её босыми ногами — идеальный, неподдельный хруст.

«Ты помнила чувство», — сказал он, следуя за ней. Его голос звучал напряжённо, будто он удерживал на плечах невидимый груз. — «Уединённость. Покой. Простоту. Запах нагретой за день черепицы вечером. Я взял эти концепции и дал им самую простую, органичную форму».

Они подошли к деревянной двери дома. Та тоже была простой, со следами побелки в зазубринах. Ант толкнул её.

Внутри пахло старым деревом, сухими травами и... теплом. Прямо перед ними была крохотная гостиная с камином, диваном, застеленным домотканым покрывалом в красно-белую

полоску, и грубым деревянным столом. На полках — не книги, а их призрачные оболочки, намёк на будущее наполнение. На стене — медный подсвечник в виде кораблика.

Тай обошла комнату, касаясь всего. Стол — шершавый, нелакированный. Диван — немного жёсткий, но уютный. Подоконник — идеальное место, чтобы сидеть, поджав ноги, и смотреть на море. Всё было до боли знакомым и абсолютно новым.

«Спальня там», — Ант показал рукой на узкую дверь. — «И маленькая кухня. Всё необходимое. Вода пока... как вначале. Но ты сможешь сделать её вкусной, когда захочешь».

Он говорил, но его слова доносились как сквозь вату. Она увидела, как он опёрся о косяк двери, лицо стало пепельно-бледным, на лбу выступили капли пота, которых у богов, казалось бы, быть не должно.

«Ант!»

Она бросилась к нему. Он медленно сползал по косяку вниз, глаза теряли фокус. «Всё в порядке... просто... перегрузка. Стабильность деталей... требует больше, чем... образ моря...»

Он не договорил. Его глаза закрылись, и форма начала мерцать тревожно, грозя распасться на сгустки света. Одновременно мир вокруг них начал немного терять очертания, словно картинка, расплывающаяся от слез.

Паника, острая и холодная, кольнула её. Нет. Не сейчас. Не после этого.

«Вас, демиургов, жизнь ничему не учит, что ли??» - вырвалось у нее.

Охватив его руками, она потащила его к дивану. Уложила. Потом встала над ним, закрыла глаза и выдохнула. Тяжелый для бога. Ведь они же должны быть невесомыми или нет? Кто ей ответит, сколько должен весить демиург?

Ладно, про это подумаем позже или никогда. А сейчас надо спасти бестолкового чересчур инициативного демиурга. Она вспомнила то, как укутывала его вчера. Чувство. Безопасность. Покой. Тепло домашнего очага. Мягкость старого пледа, в который заворачиваешься холодным вечером. Уверенность, что завтра наступит, и оно будет хорошим.

Она сплела из этих чувств не одеяло, а кокон. И постаралась направить этот поток не в его форму, а в самое ядро его присутствия, в ту искру, которую чувствовала теперь яснее, чем когда-либо — уставшую, перегруженную, но такую родную. А для полной уверенности в том, что она делает, она положила ему ладонь на грудь, на секунду восхитившись его формами под своими руками.

Глава 9

Поначалу ничего не происходило. Потом его дыхание, прерывистое и хриплое, стало ровнее. Мерцание формы утихло, края стали чёткими. Мир вокруг тоже постепенно стабилизировался. Ант глубоко вздохнул и открыл глаза.

Его взгляд был слегка расфокусирован и рассеян. Он смотрел на потолок из темных балок, потом медленно перевёл взгляд на неё. На её лицо, склонившееся над ним, на её руки, всё ещё лежавшие на его груди.

«Лежи. Не двигайся. Глупый. Зачем было выкладываться до последнего?» «Ты...» — он попытался подняться, но она мягко, но настойчиво прижала его обратно.

«Я хотел... чтобы у тебя было... всё сразу», — прошептал он, и в его голосе не было раскаяния, только усталое недоумение от собственной слабости. — «Все время забываю, что у меня нет доступа ко всем возможностям. И создание постоянных, сложных форм требует усилий. Я пытался сделать всё сразу. Гордыня. Старая болезнь».

«Спешка хороша при ловле блох. Остальное лучше делать с чувством, толком расстановкой», — назидательно проговорила она, не убирая рук. Через ладони она чувствовала стабилизацию его состояния — мощный, успокаивающий ритм. — «А теперь спи. Или как там это у вас, бессмертных, называется».

Он смотрел на неё, и в его сапфировых глазах таял последний лёд отстранённости, обнажая что-то незащитное и очень человеческое. Он медленно, будто не веря, что имеет на это право, поднял свою руку и положил её поверх её ладоней. Его пальцы сомкнулись вокруг её кисти — нежно, но крепко.

«Спасибо, маленькая айна», — сказал он так тихо, что это было почти движением губ. — «За дом. И... за заботу».

Затем его веки сомкнулись, и он погрузился в состояние, похожее на сон. Его дыхание стало глубоким и ровным.

Тай осторожно высвободила руку, но не ушла. Она села на пол рядом с диваном, прислонившись спиной к нему, и смотрела в пустой камин.

«Кто еще из нас ведет себя как маленький», - недовольно пробурчала она, а затем устало прикрыла глаза.

У неё был дом. Настоящий дом у моря. Подаренный тем, кто сам едва не рассыпался в прах, чтобы сделать ей подарок.

И она только что спасла демиурга от истощения, укутав его в свою заботу.

Мир перевернулся с ног на голову. И, странное дело, в этом новом, перевёрнутом мире ей было... спокойно. Она провела ладонью по грубому половичку. Её половичку. В её ... в их доме.

Она улыбнулась в полумраке и, наконец, позволила усталости накрыть себя с головой.

Глава 10

Он спал. Или отдыхал в неведомом ей божественном варианте сна. Тай наблюдала за ним — лицо, лишённое привычной маски сосредоточенного знания, казалось моложе. Уязвимее. Она натянула на него угол того самого домотканого покрывала, поправила воображаемую складку, потом поймала себя на этом жесте и фыркнула. Заботиться о демиурге. Это как пытаться укрыть Луну или Солнце.

Она вышла во дворик. Виноградная лоза была пока лишь намёком, силуэтом, но уже отбрасывала тень. Она села на грубую каменную скамью и уставилась на море. Настоящее море, с настоящим ветром, который трепал её волосы. Солнце здесь тоже было — светил не земной желтый диск, а мягкое, рассеянное сияние, источник которого невозможно было определить. День в их Обители был уютным и спокойным.

Она сама создала чашку в руках. Не идеальную фарфоровую, а глиняную, грубоватую, как те, что продавали на набережной туристам. И наполнила её чаем. Вкус был... памятью о вкусе. Чёрный, с нотами липы и мёда. Тот самый, что пила когда-то в деревне. Она закрыла глаза, вдыхая пар.

Шаги позади были тихими, но она их почувствовала — лёгкое изменение движения в воздухе.

«Ты должен отдыхать», — сказала она, не оборачиваясь.

«Отдых — это не стазис. Это смена активности», — его голос был уже твёрже, но ещё с хрипотцой. Он сел рядом, не касаясь её. Создал себе свою чашку — простую, без изысков. — «Спасибо ещё раз. Ты... была на высоте».

«Я испугалась», — призналась она, глядя на пар над чашкой. — «И это был хороший стимул».

Он кивнул, делая глоток. Поморщился. «Интересный вкус. Горечь, переходящая в сладость. Как жизнь».

«Ты становишься поэтом», — усмехнулась она.

«Я всегда им был. Просто раньше моими стихами были мои творения». Он отставил чашку. «Тай... что ты чувствовала, когда думала про этот дом?»

Вопрос был не праздный. Он изучал её, как учёный.

Она вздохнула. Пришло время. Время вытащить призраков и показать их свету этого странного, слишком идеального дня.

«Думала о том, что у меня никогда не было своего дома. Настоящего. Квартира была клеткой. Местом, где я спала и хранила вещи. А этот...» — она махнула рукой в сторону домика, — «Это был побег. Мечта. Которая всегда казалась недостижимой, потому что для дома нужны... ну, ты знаешь. Семья. Или хотя бы тот, с кем не страшно делить тишину».

Он слушал, не перебивая. Его внимание было физическим ощущением — тёплым, сосредоточенным потоком.

«Со мной что-то было не так, наверное», — продолжала она, и слова полились сами, горькие и отполированные годами одиночества. — «Первые отношения... я так хотела, чтобы они были настоящие. В институте. Он был красивый, умный. Я думала — он. А он думал — пока удобно. А потом нашёл «удобнее» — дочку декана. Ушёл, даже не попрощавшись и не объяснив. Просто отправил смс».

Она выпила чай, обжигая язык. Боль была кстати.

«Потом был другой. Постарше. Казался надёжным. Говорил о семье, о детях. Мы даже смотрели квартиры. А я застала его в нашей постели с моей же подругой. «Это ничего не значит, Тай, это просто секс», — сказал он. Как будто это делало большее или, наоборот, не делало».

«Он лгал», — тихо сказал Ант. В его голосе не было осуждения, только констатация факта, как о законе физики. — «Он хотел двух одновременно, неспособный выбрать, и причинил боль обоим. Слабость ума и духа».

Её удивила не его оценка, а её точность. Не «подлец», не «козёл», а «слабость ума и духа». Это звучало... по-божественному беспристрастно и оттого ещё более беспощадно.

«Потом были другие. Проще... мельче. Кто-то хотел просто «отдохнуть от ответственности» с сильной женщиной. Кто-то — жить за мой счёт. Кто-то просто боялся настоящего. В какой-то момент я поняла: я трачу силы, время, нервы на поиски того, чего, видимо, для меня не существует. И решила остановиться. Построить крепость. Жить одной. Было тяжело, особенно по ночам, но зато... безопасно. Никто не мог зайти и навести там свой порядок. Или сбежать, оставив ворота распахнутыми».

Она замолчала. Рассказала. Выложила перед ним свою коллекцию обломков. Ждала — жалости? Презрения? Мудрого совета?

«Они искали своё отражение. Им нужна была удобная, простая история. Жена-декор. Подруга-развлечение. Мать их детей — продолжение их самих. Ты не вписывалась в их узкие шаблоны. Ты была... сложной системой. Со своими законами, своей гравитацией. Они были слишком малы, слишком примитивны, чтобы вместить твой свет. Их предательство — не твой изъян, Тай. Это мера их бедности». Он долго молчал, глядя на море. Потом сказал:

Он говорил не как утешающий, а как... картограф. Обозначая контуры её боли с высоты своего немыслимого опыта. И от этого её боль не исчезла, но изменила форму. Перестала быть клубком стыда и неполноценности. Стала чем-то внешним, чужим, что к ней прилипло, а не выросло из неё.

«Бедность», — повторила она, пробуя слово. — «Да. Именно так. Они были... бедны духом».

«Да. И их поступки были актами этого духовного банкротства. Ты же, построив свою крепость, совершила акт созидания. Защиты. Может, и не самое здоровое решение в долгосрочной перспективе для смертной, учитывая её ограниченный срок... но для духа — акт силы».

«Я не могу оценить твою земную жизнь по меркам «успеха» или «неудачи». Но я вижу её след — здесь. В тебе. Эта крепость... она сделала тебя тем, кто смог пережить лагерь. Кто смог услышать голос в своей голове и не сломаться. Кто смог отдать всё за других. Стены, которые ты строила от боли, стали фундаментом для твоей жертвы. Ты сделала свой ход. Гениальный и красивый». Он повернулся к ней, и его глаза были серьёзны.

Он не утешал. Он констатировал факт. И в его факте было больше понимания, чем во всех земных «не переживай» и «он не стоил тебя».

«Ты находишь прекрасное в самых странных местах», — покачала она головой, но внутри что-то болезненно и сладко сжалось.

«Я научился у тебя, — просто сказал он. — Ты показала мне, что даже боль может стать частью для создания чего-то. Что самая сильная магия — это не подчинение стихий, а преобразование собственной боли в силу».

Он замолчал, давая ей переварить его слова. Они сидели рядом молча, слушая тишину.

«Спасибо, — наконец выдохнула она. — Никто... никогда так об этом не говорил. Все вокруг твердили: «расслабься», «будь проще», «откройся». А ты... ты принял мою закрытость как данность. Как часть меня».

«Принять тебя целиком — единственно возможный для меня путь, Тай. Это безусловно».

Это безусловно. Эти два слова, сказанные им, прозвучали для неё громче любого признания. Это не было «я тебя люблю, несмотря на...». Это было «я тебя вижу. Всю. И всё, что в тебе есть — это ты. И это — хорошо».

Волна тепла, на этот раз исходящая от неё самой, окутала сгусток света. Небо над морем окрасилось в нежные цвета зари.

«А у тебя есть своя коллекция обломков, Ант? Или боги не страдают от таких... мелочей?» Она посмотрела на него, на этого древнего, могущественного, такого же одинокого Бога.

«О, у меня есть обломки. Но они не от разбитых сердец. Они от разбитых миров. И искажённых душ». Он сделал паузу. «Но, если ты спрашиваешь о личном... о примерах, которые я видел... да. Они были. И были ужасающими. Или слишком хрупкими, чтобы дать надежду. Хочешь услышать?» Он отвёл взгляд. Его лицо омрачилось тенью воспоминаний, куда более древних и страшных, чем её несчастные романы.

Её чай остыл. Море шумело за стеной. В её крепости, в её безопасном доме, сидел тот, кто видел рождение и смерть вселенных. И спрашивал разрешения рассказать свою боль.

«Расскажи». Она кивнула.

Глава 11

Тишина после её согласия была плотной, как смола, полной невысказанных воспоминаний. Ант не смотрел на неё. Его взгляд утонул в узорах на деревянном столе, будто там были зашифрованы целые эпохи.

- Фелтисер и Тилли, — начал он, и каждое слово падало, как камень в бездонный колодезь. — Это не была история любви. Это был... эксперимент. Со стороны моего брата — холодный, расчётливый. Со стороны Тилли — яростный, отчаянный акт самоутверждения.

Он создал перед ними на столе не изображение, а сущность — две сплетённые, враждующие тени. Одна — геометрически чёткая, ледяная, стремившаяся подчинить и структурировать всё вокруг. Другая — хаотичная, пламенеющая, пытавшаяся то поглотить первую, то выжечь её.

- Фелтисер увидел в Тилли, в её первозданной, необузданной силе, интересный материал. Возможность изучить хаос, чтобы лучше контролировать его. Он приблизил её к себе. Дал знание. Силу. Возможно, в его манере, это было высшей формой внимания. Для Тилли, рождённой в пустоте между мирами, это было спасением. Признанием. Она приняла его холод за скрытую страсть, его расчёты — за заботу. И влюбилась. Не в него, а в свою иллюзию.

Тени на столе сплелись в мучительный, уродливый симбиоз. Ледяная структура пронзала пламя, пытаясь придать ему форму. Пламя лизало лёд, пытаясь растопить, но лишь покрывало его трещинами и копотью.

- Когда она поняла, что для него она всего лишь объект исследования... что её чувства — это просто ещё один набор данных, «биологический шум», который нужно изучить и по возможности устранить... её любовь превратилась в ненависть. Но проявить ненависть к Фелтисеру было невозможно — он был слишком силён, слишком недосыгаем. Её ярость обратилась вовнутрь. И наружу. На их... ребёнка.

Тени выплеснули третью сущность — маленькую, кривую, искажённую. Она металась между двумя другими, жаждала признания от ледяного отца и тепла от огненной матери, но получала лишь равнодушие с одной стороны и ядовитое презрение — с другой.

- Бурве, — прошептала Тай, и по коже побежали мурашки.

- Да. Плод холодного расчёта и горячей мести. Инструмент, созданный с изъязном — способностью чувствовать. Фелтисер видел в нём неудачный эксперимент. Тилли — живое напоминание о её собственном унижении. Они оба... использовали его. Каждый по-своему. Это не модель отношений. Это модель взаимного уничтожения под маской созидания.

Он махнул рукой, и тени на столе распались, оставив после себя лишь горькое послевкусие пепла и холода.

Глава 12

- А потом... были Адма и Авей, — его голос смягчился, но в нём появилась нота невыразимой печали. — Беглецы. Спасшиеся с обломков нашего разрушающегося мира. Они были... другими.

На столе появился новый образ. Два чистых пламени — одно тёплое, земное, другое — воздушное, серебристое. Они не сплетались в борьбе. Они танцевали. Окружали друг друга, то отдаляясь, то сближаясь, и от их танца рождался тихий, ясный свет.

- Они любили. Просто. Без условий. Без желания переделать. Он защищал её не потому что считал слабой, а потому что её жизнь была для него драгоценностью. Она вдохновляла его не потому что хотела им управлять, а потому что верила в него. Их любовь была... убежищем. Теми самыми стенами, о которых ты говорила, но не для того, чтобы отгородиться от мира вдвоём. А для того, чтобы внутри этих стен выращивать нечто прекрасное — доверие, нежность, надежду. Они хранили Ибблосы не как учёные - знания, а как завет. А как семя для будущего, в которое свято верили.

Образ стал ярче, но в самой его сердцевине появилась трещина — тонкая, как паутина.

- Но они были смертны. В мире, который мы с Фелтисером исказили, их свет был слишком хрупок. Но они смогли сохранить ибблосы и стать их хранителями. Пожертвовав чем-то большим. Своими интересами, надеждами и мечтами. Оставшись в Мэдеме.

Он замолчал, смахнув образ со стола. Осталась только грубая деревянная фактура.

- Вот и все мои образцы, Тай. Одна история — о том, как любовь, смешанная с жаждой власти и непониманием, рождает чудовищ. Другая — о том, как чистая любовь оказывается слишком слабой, чтобы выжить в несовершенном мире. Ни та, ни другая не дают ответа на вопрос «как».

Он наконец посмотрел на неё. В его глазах не было мудрости всезнающего бога. Была усталость от этой мудрости. Рана от вечного знания о том, как всё может пойти наперекосяк.

- Я не знаю, как строятся здоровые отношения, Тай. Я не имел примера. Моя связь с миром, с моими созданиями, была связью творца, который слишком рано потерял своих детей и винил в этом себя. Или связью с братом-врагом, где каждая попытка диалога заканчивалась катастрофой.

Он сжал свои руки в кулаки, разжал.

- Я знаю, как созидать материю. Как вплетать в реальность магию. Как балансировать стихии. Но как... быть просто с кем-то? Без иерархии? Без цели что-то создать или изменить? Как просто... быть? Я не знаю. И это меня пугает больше, чем любая Чёрная мгла.

Тай слушала, и её собственные призраки бледнели перед его монстрами. Её предавали мужчины. Его же предавала сама структура бытия. Она боялась боли. Он боялся, что само его присутствие принесёт боль.

Она осторожно протянула руку через стол и накрыла своей ладонью его сжатый кулак. Он вздрогнул, но не отдернул.

- Знаешь, что? — сказала она тихо. — Мне кажется, это даже к лучшему.

Он поднял на неё удивлённый взгляд.

- Если бы у тебя был идеальный пример, ты бы пытался его скопировать. Подогнать нас под него. Как Фелтисер подгонял мир под свой чертёж. А у меня... был бы соблазн спрятаться за этим примером. Делать «как надо». А так...» — она слабо улыбнулась, — «так у нас есть только мы. Два незнайки. Один — который слишком много знает о вселенной и ничего — о том, как держать за руку. Другая — которая знает, каково это, когда бросают, и боится снова протянуть руку. Мы начинаем с чистого листа. С нуля. Со страха и неумения. Как... как два подростка на первом свидании. Только нам не пятнадцать, тебе уж точно.

Его кулак под её ладонью постепенно расслабился. Пальцы распрямились, повернулись, и его ладонь легла под её ладонь. Тёплая, сильная, с едва уловимым дрожанием.

- С чистого листа», — повторил он, словно пробуя на вкус это земное выражение. — Без гарантий. Без predetermined сценария. Только... новое исследование.

- С риском совершить ошибку, — кивнула она.

- И с правом её исправить, — добавил он. Его взгляд на их руки был сосредоточенным, будто он изучал зарождение новой галактики. — Это... приемлемые условия.

Они сидели так, руки соприкасались, глядя на это простое, невероятное чудо — контакт без боли, без цели, без подтекста. Просто тепло ладони на ладони. Первый, самый робкий шаг от бесконечного одиночества — к чему-то, что ещё не имело имени.

За окном море продолжало шуметь. Но теперь его шум звучал не как звук тоски, а просто как звук фона. Фона для чего-то нового, что начиналось здесь, за грубым деревянным столом, в доме у моря, которого не должно было существовать.

Глава 13

Контакт ладоней длился несколько сердечных ударов — её, хрупких, и его, сильных, слегка подрагивающих. Потом он аккуратно убрал руку, словно боясь перегреть редкий экземпляр. Но взгляд его остался тёплым, заинтересованным.

- Новое исследование, — повторил он, вставая. — Оно требует метода. Гипотезы. И практики.

Тай с подозрением посмотрела на него.

- Что ты задумал?

- Ты говорила о первом свидании. И о совместном творчестве. Давай объединим эти концепции. - Он сделал широкий жест рукой, охватывая комнату, дворик, море. - Это наша базовая реальность. Стабильная, но... статичная. Давай научимся её менять. Не по одиночке, как раньше, а вместе. Синхронно. Как танец.

- Танец? — она подняла бровь. - Я недавно обрела тело, а ты о танцах?

- Не о физическом танце. О танце воли. О том, чтобы почувствовать ритм друг друга. Импровизировать. - Его глаза загорелись тем самым азартом учёного, который увидел новый, многообещающий опыт. - Начнем с малого. Цвет неба.

Он подошёл к краю дворика, к низкой каменной ограде. Тай встала рядом.

- Сейчас оно... условно-дневное. Без особенностей. Сконцентрируйся. Выбери цвет. Не просто «синий». Выбери оттенок, который вызывает у тебя чувство.

Тай закрыла глаза. Цвет... Что она хотела увидеть? Цвет спокойствия? Нет, он уже был. Цвет тайны? Она устала от тайн. Она хотела... цвета волшебства. Того, отчего замирает сердце. Она вспомнила редкие моменты детства, когда зимой, в сумерках, небо становилось пронзительно-фиалковым, почти сиреневым, и в нём зажигались первые звёзды. Цвет обещания. Цвет чуда перед сном.

- Хорошо, — сказал Ант, уловив её мысль. — Я вижу мысль. Теперь... позволь мне присоединиться. Не перебивай. Дополни.

Она сосредоточилась на этом фиалково-сиреневом цвете, стараясь удержать его в воображении ясно и чисто. И почувствовала, как к её «запросу» присоединяется его воля — не перекрашивая, а обогащая. Он добавил... перламутровое мерцание на горизонте, едва уловимое, как дыхание спящего дракона. И градиент — от глубокого, почти чернильного фиолетового в зените до нежного лавандового свечения у линии моря.

Она открыла глаза.

Небо над их Обителью было именно таким. Волшебным. Замирающим. Совершенно нереальным и до боли узнаваемым.

- О, Боги, — выдохнула она.

- Это сделали мы, — поправил он мягко. — Теперь твоя очередь. Я задам основу, ты — измени деталь. Растение, вот это. - Он указал на силуэт виноградной лозы. - Я даю ему жизненную силу, устойчивость. Ты... дай ему характер. Цвет листьев? Форму? Может, пусть это будет не виноград?

Тай посмотрела на бледный контур. Виноград был памятью. Но здесь, сейчас... ей захотелось чего-то иного. Что-то столь же живое, но другое. Она вспомнила жасмин, что рос под окнами домика. Его белые, восковые звёздочки и опьяняющий, густой аромат по вечерам. Аромат лета, безопасности, детства.

Она направила эту мысль — не просто образ, а ощущение от жасмина.

Контур лозы задрожал, потемнел, покрылся мелкими глянцевыми листочками тёмно-зелёного цвета. А затем, на глазах, на нём распустились гроздь маленьких, белоснежных, иде-

альных цветков. И воздух наполнился тем самым сладким, тяжёлым, но не приторным ароматом.

- Великолепно, — прошептал Ант, наклоняясь, чтобы вдохнуть аромат. — Ты добавила не просто изображение. Ты добавила память, связанную с позитивной эмоцией. Это меняет сущность всего растения. Оно теперь не просто декорация. Оно — хранитель твоего желания.

Они продолжили. Это становилось игрой. Ант «выращивал» камень причудливой формы у края дорожки, а Тай покрывала его мягким, изумрудным мхом и лишайником лилового оттенка. Тай «призывала» бабочку, а Ант делал её крылья полупрозрачными, с тончайшим серебряным кантом.

Они смеялись над неудачами: когда у Тай «родилась» кошка с тремя хвостами, а у Анта она «случайно» стала размером с тигра, и им пришлось вместе «ужимать» её до приемлемых габаритов. Когда Ант попытался создать поющую птицу, а получилось нечто, издававшее звуки скрежета прессуемого железа, и Тай, хохоча, «исправила» мелодию на простой, чистый свист. Ей нравилось, что он ее смешит. Она понимала, что его «ошибки» - ради нее... И это было особенно ценно.

Они двигались по дворику и саду, и мир менялся под их шагами. Он не был идеальным. Мох на камне слегка засох и скукожился с одной стороны. Одна из «жасминовых» веток росла криво. Но это придавало ему жизнь, обжитой вид.

В процессе они неизбежно сближались. Чтобы «подправить» тот же мох, им приходилось сосредотачиваться на одной точке, их плечи почти соприкасались. Как-то раз, поправляя ветку жасмина, их ладони соприкоснулись.

Искра. Почти незаметная. Не магическая. Физическая.

Тепло, перетекающее с её кожи на его. Простое касание, но в контексте их совместного творения оно приобрело новый смысл. Это был не жест утешения и не акт поддержки. Это было... частью процесса. Естественное следствие близости и общей цели.

Они замерли. Ладони не двигались, просто лежали друг на друге, пока мир вокруг дышал и благоухал их общими усилиями.

Тай первая нарушила контакт, но не отдернула руку резко, а медленно, словно нехотя, опустила её. Её щёки горели.

- Мы... хорошо работаем в команде, — пробормотала она, глядя на свои пальцы, будто впервые их видя.

- Да, — согласился он. Его голос был немного глуше обычного. — Наши воли... резонируют. Не конфликтуют. Дополняют. Как две ноты в аккорде.

Он посмотрел на небо, которое они создали, на сад, который они оживили.

- Это и есть тот самый «чистый лист». Мы не восстанавливаем чужой чертёж. Мы пишем свою музыку. По одному аккорду за раз.

- И я начинаю понимать, Тай. Ощущать. Первый шаг в нашем исследовании... он сделан. Он... успешен. Он обернулся к ней, и в его сапфировых глазах отражалось не просто знание, а открытие. Живое, трепетное, новое.

Она кивнула, не в силах вымолвить слово. Потому что это было больше, чем успех. Это было обещание. Обещание того, что из этого странного, неумелого, пугающего «танца» может родиться нечто прекрасное. Не совершенное. Но своё.

Глава 14

Сад, небо, дом — всё это было прекрасно. Слишком прекрасно. Через некоторое время они создали «день и ночь». Но Тай начала чувствовать недовольство. Не физическое. Метафизическое. Её слегка тошнило от этой слаженной, мелодичной гармонии.

Она бродила по идеально выложенной ракушечником дорожке, мимо безупречно пахнущего жасмина, и ей хотелось пнуть камень, чтобы он отлетел куда-нибудь в заросли, нарушив порядок. Она смотрела на море с его предсказуемым, поэтичным прибоем и мечтала о шторме, который перевернёт всё с ног на голову, принесёт водоросли и обломки на их безупречный берег.

Этот голод по хаосу, по несовершенству, стал навязчивым, почти физическим желанием.

Ант заметил её беспокойство. Он всегда замечал. Он сидел во дворике, изучая структуру чайной чашки, пытаясь понять, почему она «радует глаз» - он всерьёз занялся изучением чувств и ощущений.

- Ты недовольна? — спросил он, не поднимая глаз от сосуда. — Что-то не так с балансом? Свет падает не под тем углом? Аромат жасмина слишком навязчив?

- Всё слишком правильно, Ант, — выпалила она, остановившись перед ним. — Слишком... чисто. Как картинка из журнала. Мне нужна... трещина. Паутина в углу. Сорняк, пробивающийся между плитками. Запах грозы перед дождём — тот, что пахнет озоном и пылью. Мне нужна жизнь, а не её идеальная симуляция!

Он отложил чашку и посмотрел на неё с тем самым учёным интересом, который временами сводил её, земную женщину, с ума. А Ант тем временем словно сканировал ее эмоции.

- Интересно. Ты жаждешь Хаоса. Но не разрушительного, как Чёрная мгла. А... живого, органического беспорядка. Признака того, что система не закрыта, что в ней есть место для спонтанности.

- Не усложняй! — она чуть не топнула ногой, и это детское движение заставило её саму удивиться. — Мне просто не уютно в этом... в этом раю! Всё предсказуемо. Даже то, что мы «импровизируем», подчиняется каким-то твоим внутренним законам красоты и гармонии. Я хочу сюрприз! Неожиданный сюрприз! Чтобы что-то пошло не по плану само по себе!

Сама про себя Тай подумала, что она снова становится обычной женщиной, которая не знает, чего хочет, но ей это очень надо. Ну и пусть. Демиург тут Ант. Ему с этим и разбираться.

Он задумался. Его брови слегка сдвинулись.

- Само по себе... Но здесь, в этой буферной зоне, ничего не происходит «само по себе». Всё — продукт нашей воли. Твоей или моей. Чтобы появился «сорняк», его надо сознательно создать и наделить свойствами сорняка. Это парадокс.

- Вот видишь! Даже хаос здесь надо планировать! — она с досадой упала на соседний стул. — На Земле... там трава росла сама. Дождь лил, когда хотел, а не когда мы решали создать лирическое настроение. Там мылись окна, и на них оставались разводы. Ты заводил кошку, а она драла диван, блевала на ковер и царапала руки. Это было... раздражающе. Иногда невыносимо. Но это было -настоящее.

Он молчал, переваривая её слова. Потом медленно поднялся.

- Ты права. Я думал категориями совершенства. Фелтисеровскими категориями. Устранить несовершенство — значит улучшить. Но твой «голод»... он указывает на фундаментальную ошибку в этой логике. Несовершенство, спонтанность, легкий хаос — это не ошибки системы. Это её дыхание. Признак того, что она жива, а не заморожена в идеальной статике, как Мэдем.

Он подошёл к идеальному кусту жасмина, и прикоснулся к нему.

- Наделить тебя способностью к спонтанному росту... к неконтролируемой мутации... Это риск. Он может разрушить всё, что мы построили.

- А я готова на риск!» — с вызовом воскликнула она. — Лучше живой, дышащий бардак, чем мёртвый порядок!

Он обернулся, и в его глазах на секунду вспыхнула та самая искра, которая когда-то создавала миры. Ант медленно прошелся взглядом по Тай, на одно мгновение задержавшись на губах и потом — чуть ниже, на груди. А потом словно спохватился и встряхнулся.

- Хорошо. Давай попробуем. Но не на всём саду. На чём-то одном. Маленьком. Чтобы, если что... можно было изолировать. Надеюсь, я успею.

Он отошёл от жасмина к самому краю, где дорожка встречалась с естественным склоном к морю. Там росла невзрачная травка, созданная им же для фона.

- Эту. Мы дадим ей... право на самостоятельность. Ограниченную. Вложим в неё не конкретную форму, а... набор возможностей. И долю случайности.

Он протянул руку, и травинка озарилась мягким светом. Тай присоединилась. Она не думала о красоте. Она думала об упрямстве и воле к жизни. О способности пробить асфальт. О неожиданности. О том, чтобы зацвести жёлтым, ядовитым цветком посреди зелени. Или сгнить с одной стороны. Или оплести всё вокруг цепкими усиками.

Они отступили.

Травинка дёрнулась. Её стебель из зелёного стал сизовато-лиловым. Потом на нём появились не листья, а что-то вроде колючек. Потом колючки отпали, и вылезло несколько мелких, несимметричных листочков, один из которых был покрыт странными пятнами, похожими на ржавчину.

Это было... некрасиво. Странно. Совершенно не вписывалось в идиллию.

Тай замерла, глядя на это чудовище. И чувствовала, как внутри у неё расцветает дикая, непонятная радость.

- Оно... уродливое, — констатировал Ант, но в его голосе не было осуждения. Был интерес. — И совершенно непредсказуемое. Я не знаю, что оно сделает завтра. Вырастет на метр? Засохнет? Покроется пушистыми спорами. Пойдет жевать ставни на окнах?

- Именно! — прошептала Тай. — Оно живое! По-настоящему!

Она опустила на колени перед странным растением, не боясь его колючек или пятен. Она смотрела на него, как на величайшее произведение искусства. Потому что это было первое, что они создали не «правильным», а свободным.

Ант стоял рядом, и на его лице медленно проявлялось понимание.

- Ты учишь меня, Тай, — сказал он тихо. — Ты показываешь, что красота — не в симметрии. А в потенциале. В возможности быть иным. Даже если это «иное»... не эстетично с точки зрения устоявшихся канонов. Это... природа жизни. А природа женщины...

Он запнулся, подбирая слова, не из своих трактатов, а из нового, рождающегося в нём понимания.

- ...Это лёгкий, творческий хаос. Не разрушение. А отказ от жёстких форм. Способность рождать новое, непредсказуемое из самой себя. Мужчина... часто стремится создать стабильную структуру, основу. Чтобы внутри неё... мог цвести этот прекрасный, немного пугающий хаос. Не контролируя его. А... предоставляя ему пространство. Доверяя ему.

Тай подняла на него глаза. Её собственный «лёгкий хаос» бушевал внутри, смешивая восторг, благодарность и что-то ещё, тёплое и щемящее.

- Ты не боишься, что мой «хаос» всё разрушит? — спросила она, указывая на уродливо-прекрасное растение.

- После того, что мы уже прошли? Нет. Я верю, что твой хаос... не разрушит основу. Он сделает её прочнее. Потому что он будет её проверять. И обновлять. Как шторм очищает море. Как огонь обновляет лес. Он посмотрел на неё, потом на их дом, на море, на небо с

перламутровым отсветом. Он протянул ей руку, чтобы помочь подняться. И когда её пальцы сомкнулись на его ладони, она почувствовала не просто поддержку. Она почувствовала некую связь и бесконечное доверие. Доверие к её «несовершенству». К её «голоду к жизни». К её праву привнести в их идеальный мир немного живой, колючей, непредсказуемой правды.

И этот момент был красивее любого заката, гармоничнее любой музыки. Потому что он был настоящим.

Глава 15

Ощущение глубокой, почти мистической связи было прекрасным. Оно грело изнутри, как выпитый перед сном глинтвейн. Но утром Тай проснулась с другим чувством — жгучим желанием сделать что-то сама. Не в симбиозе, не под его чутким руководством. В одиночку. Что-то простое, земное, не несущее вселенской значимости.

Ей захотелось лепить из глины. Что-то простое, понятное, земное.

Не идеальной, волшебной субстанции, готовой принять любую форму по велению мысли. А грубой, пахнувшей землёй, холодной и упрямой глины, которую нужно месить, бить, чувствовать её сопротивление.

Она вышла из дома и, сосредоточившись, вытянула из «ничего» перед собой ком. Он был правильного серо-коричневого цвета, влажный, вязкий. Она села на ступеньки рыльца, положила ком перед собой и просто... уставилась на него.

Что создать? Вазу? Чашку? Грубую фигурку? Неважно. Важен был процесс. Акт физического усилия, который оставит след не только в материи, но и в её собственной, новой памяти.

Она вдавила пальцы в глину. Холодная, плотная, живая. Она начала мять её, и с каждым движением в её сознание пробивались не образы, а чувства. Не связанные с глиной. Почему они вдруг стали появляться? Из-за того, что обычная простая работа расслабляла разум и давала время подумать? Она не знала. Начало всплывать то, что она так долго прятала от самой себя. Тщетность. Та самая, знакомая, земная тщетность всех её усилий. Бесплезность дипломов, накопленных впустую денег, выстроенной карьеры, которая рухнула в один день. Бесплодность попыток построить отношения. Ощущение, что ты бежишь по песку, а следы тут же затягиваются волной.

Она не просто лепила. Она вдавливала в глину всю горечь своих сорока пяти лет. Разочарования. Предательства. Одиночество. Невысказанные слова, несделанные поступки, невыплаканные вовремя слёзы. Она лепила не чашку. Она лепила памятник своей земной неудаче. Комок боли, облечённый в форму.

И чем больше она вкладывала в глину, тем хуже получалось. Комок не хотел становиться чем-то цельным. Он растрескивался, расплзался, отваливались куски. Она злилась, с силой шлёпала по нему, пытаясь подчинить, но глина будто насмехалась над ней, становясь лишь более бесформенной, более уродливой.

- Нет! — вырвалось у неё, сдавленно, хрипло. — Должно же что-то получиться! Хоть что-то!

А вдруг все происходящее здесь внезапно исчезнет, растворится, как сон? Она же так не стабильна! Вдруг она не станет интересна Анту, надоест как полностью изученный объект? Нужна ли она ему на самом деле? Или это все – его божественная благодарность за ее помощь?

Она сжала комок изо всех сил, пытаясь выдавить из него хоть крупицу смысла, хоть намёк на красоту. И в этот миг старый, земной ужас — ужас быть никем, ничего не достичь, умереть, не оставив следа — нахлынул на неё такой мощной, концентрированной волной, что её собственная, новая, хрупкая форма не выдержала. Страшное ощущение панической атаки накрыло ее с головой.

Она почувствовала, как что-то щёлкает внутри, не в теле, а в самой сердцевине её нового бытия. Как тончайшее стекло. И пошла трещина. Изну

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.